

1989. - 26 окт. - с. 2

ОСВЯЩЕННЫЙ ИМЕНЕМ РАХМАНИНОВА

ТРУДНО жить без надежд.

Как выбираться из пропасти, куда мы падаем? Можно ли сегодня говорить о культуре, когда есть более насущное: «Не до жиру, быть бы живу...» Тем, кто так думает, невдомек, что и экономика без культуры — безнадежна. Мы в замкнутом кругу. Кто-то просит увеличить государственные субсидии, кто-то ищет спонсоров, которые дадут капиталы и «спасут» разрушающиеся залы, ветшающие музеи и библиотеки, плесневеющие архивы, нищающие филармонии, угасающую концертную жизнь наших городов и остановят весь этот постепенный разброд. Остановят ли? Где же все-таки путь к оживлению — реальный, быстрый? Огорчают многочисленные говоруны, легковесные прожектеры, рекламируемые однопенки, некомпетентность, перепуганная и поэтому торопливая предприимчивость.

В дефиците интеллигентности, настоящего знания, конкретности замысла, имеющего притом серьезную коммерческую основу.

Культура, просящая подаяние, — ведь это, согласитесь, горько...

И вот, кажется, родилось одно из простых и точных решений. Оно уже обрело подлинную перспективу. Есть идея. Она связана с судьбой Рахманинова, с трагической раздвоенностью его жизни. Рахманинов эмигрировал в 1917 году с женой и двумя дочерьми. 26 лет он провел в эмиграции и умер американским подданным.

Кому принадлежит сегодня гений Рахманинова? Конечно, русской культуре. И Америке, которая его приютила. Душа — в России, прах — на кладбище близ Нью-Йорка.

ОТНОШЕНИЕ к Рахманинову на его родине отразило страницы, которые суждено было прочесть нашей истории. Музыка его звучала у нас не переставая, но не в полном объеме. Духовная находилась под запретом. В 60-х годах ночью в Большом зале консерватории была записана «Всенощная» Рахманинова. Тираж пластинок ушел на продажу за границу. У нас их приобрести было невозможно.

Но наступил срок. Зазвучало «Всенощное бдение». После семидесятилетнего перерыва в концерте была исполнена «Литургия». Все это наша давняя боль и сегодняшнее торжество. В этот вечер совершалось необычайное: люди, собравшиеся в консерватории, испытали духовное единение, мы осознали себя проснувшейся от злого дурмана нацией, у которой есть душа. Если народ приникнет к своей культуре, как к целебному источнику, — да спасется этим! А чем еще спасешься?

Возвращению Рахманинова препятствовали устойчиво. Например, состоявшийся в 1983 году Всесоюзный конкурс его имени по первоначальному замыслу должен был повторяться каждые три года. Но после его окончания пришлось слишком много возмущенных писем в разные инстанции: «Как же так? Конкурс имени белоземгранта?». Идеологический стереотип вмешался и здесь. Пришлось подождать 6 лет. А тем временем в других странах неоднократно проходили международные конкурсы и фестивали имени Рахманинова, и лишь его родина медлила.

Или еще один пример. Отреставрированный камерный зал бывшего синодального училища уже давно стихийно называют «Рахманиновским залом», там некогда звучала его духовная музыка. Руководство Московской консерватории поставило в фойе зала бюст Сергея Васильевича. Но вопрос с названием и по сей день в «официальных кругах» не решен. В чем тут препятствие — непонятно.

Многое сделано бескорыстными усилиями. Музей в Ивановке (имение под Тамбовом, где жил Рахманинов), международные конкурсы пианистов имени Рахманинова в Тамбове и там же фестиваль. За всем этим люди. «Советская культура» называла их имена: «Старейший тамбовский музыковед Н. Емельянова... бывший первый секретарь Тамбовского обкома партии А. Хомяков, директор музыкального училища в Тамбове А. Базиков, директор Дома-музея в Ивановке А. Ермаков...» С неумолимой приверженностью относится к идее возвращения рахманиновского наследия во всей полноте профессор Московской консерватории Виктор Мержанов, один из организаторов фестиваля, художественный руководитель международных курсов пианистов.

Но не хватает материальной базы. И снова встает «проклятый» вопрос: на все нужны деньги. Статья в «Советской культуре» «Возвращение Рахманинова» (15.7.89) кончается так: «...в Швейцарии стоит заколоченной вилла «Сенар», которую Сергей Васильевич основал

в память об Ивановке и назвал первыми слогами имен — своего и жены. Было бы замечательно приобрести эту виллу у наследников и создать там Международный центр имени Рахманинова по пропаганде русской и советской музыки... Деньги на такую покупку... помогли бы собрать многочисленные почитатели творчества композитора...» Наша необеспеченная культура просит помощи даже «у многочисленных почитателей».

Русское искусство имеет значение не только для внутреннего пользования, его выход на мировые круги известен. Интерес к нам огромен, а возможности для удовлетворения явно недостаточны. Можно понять людей, желающих посетить Дом-музей Чайковского в Клину, имение Мусоргского в Кареве, Ивановку, где жил Рахманинов, будущие музеи Прокофьева и Шостаковича (слава Союзу композиторов, который их не открыл и по сей день!), Смоленск, где родился Глинка, Дом-музей Скрябина в Москве, да мало ли у нас гениальных музыкантов, ради которых придут (не сомневайтесь!) туристы со всех концов света, если им будут предоставлены нормальные условия.

Скажут, какие розовые мечты — кто им создаст эти «нормальные условия»? Вот здесь-то и начинается непредвиденное.

В Свердловске, в Уральской консерватории имени Мусоргского, деканом фортепианного факультета много лет был доцент Иосиф Ганелин, пианист, педагог. Однажды (совсем недавно) он пришел к ректору консерватории и сказал:

— Вы знаете, я решил уволиться.

Отношения с руководством консерватории у Ганелина были всегда прекрасные. Поводов для ухода никаких.

— В чем дело? Что-нибудь случилось? Может быть, вы заболели?

— Нет. То есть да, я заболел одной идеей. И теперь уже поздно отступать. Для осуществления этой «акции» я должен ехать в Москву и быть абсолютно свободным...

Иосиф Ганелин смеет за собой все мосты. В наше время, когда безработный пианист — явление повсеместное, такой поступок весьма рискован.

Идея, которая так круто изменила его жизнь, заключалась в изначальной мысли: создать совместный советско-американский фонд имени Рахманинова. Эта ассоциация объединила бы две великие страны в их общем усилии возвести на родине Рахманинова музыкальный центр, очаг культуры и просветительства. Конечно, на такую идею нужен «бензин». Кто будет строить первоклассные отели, концертные залы, все, что необходимо для столь широко размахнувшегося замысла? Конечно, американцы. И тут же вопрос: а зачем им это? Если совместное начинание будет давать доходы, американская сторона подписывает договор, если нет — терять деньги даже ради красивой идеи американцы не станут.

Ганелин искал единомышленников — «один в поле не воин». Они обозначились быстро. Образовалось трио. Три человека увлеклись всерьез. Сначала Ганелин поговорил со своим давним приятелем, тоже музыкантом с Урала, Андреем Макаровым. Композитор по образованию, Андрей Александрович прошел тяжелую школу административной работы в московских «департаментах», затем расстался с ними, разувверившись в реальности каких-либо значительных улучшений в музыкальном деле. Интересно, когда родится настоящий импульс, дающий разбег, возникают неординарные обстоятельства, проявляют себя незаурядные люди. Они, быть может, давно искали случая применить себя к чему-то дерзкому, сковавали об этом, ждали своего часа... Андрей Александрович Макаров рассказывает неторопливо, обстоятельно.

— Видите ли, здесь, помимо красоты самой идеи, существенно все то, что дает ей коммерческое обоснование. Заинтересованность зарубежных партнеров в музыкальном туризме совпадает с нашим желанием привлечь множество людей к большому искусству. Есть и другая сторона вопроса. Я убедился в понимании важности этого стремления и со стороны руководителей крупных советских промышленных объединений. Сам лично слышал их мнение: культура человека влияет на качество труда.

— Ну, а при чем тут Рахманинов?

— А при том, что уже московский концерт «Композит» и Уралмашзавод финансируют наше совместное предприятие. Очевидно, руководство «вычислило» будущий эффект рахманиновского фонда.

— Так они что — ваши спонсоры?

— Нет, почему же, они партнеры в общем деле, которое будет приносить прибыль. Они вкладывают капитал в плодотворный процесс... Рассчитывают на духовную отдачу...

— Ну хорошо. Вы построите отели, придут иностранцы, появится валюта. В чем же «духовная отдача»?

— Как в чем? Мы строим концертные залы, в которых будут проводиться филармонические сезоны. Осуществится совместный советско-американский международный конкурс имени Рахманинова (раз в три года попеременно в Москве и в Америке). Планируются многочисленные фестивали в местах, связанных с именами русских музыкальных гениев. Мы хотим также на средства фонда сделать ежегодный фестиваль под названием «Неоткрытые таланты Отчизны», в котором будет звучать отечественная музыка — незаслуженно безвестная! — и современная, и забытая. Все это предполагается транслировать по телевидению на всю страну. Добавьте к этому проведение международных семинаров по специальностям фортепиано, вокал, дирижирование, организацию летних студенческих интернациональных оркестров и оперных трупп, учреждение стипендий имени Рахманинова для наиболее одаренных молодых музыкантов. Мы намерены также развернуть издательскую деятельность: публикацию архивов, нот, книг, факсимильных изданий. В наши планы входит и возрождение «Русских сезонов» за границей... Все, что намечено, будет служить разветвленному культурному движению. Заработанные совместным предприятием деньги не будут обезличены, они найдут четкое применение. Наш фонд освящен именем Рахманинова, это ко многому обязывает.

— А как вы представляете конкретно ваши контакты с Западом?

— Ну что ж, есть форма деятельности, которая, безусловно, прибыльна для деловых людей. Речь идет об уже упомянутом туризме. Знаете, американцы опытные в таких делах. Вряд ли они стали бы давать свои деньги на иллюзии. Когда мы к ним обратились, они просчитали все наши предложения на компьютерах и только потом дали свое согласие и подписали совместный протокол намерений.

— А как вы связались с ними, это так просто?

— Переписку у нас ведет Борис Семенович Никитин. Он в прошлом дипломат. Долгие годы жил в Англии, Америке, Швейцарии. Хорошо знает европейские языки и уклад жизни. При этом фантастически предан музыке. Последнее очень важно. Ну так вот, написали все подробно, изложили аргументы, цифры, реальные обстоятельства. Обосновали. Потом получили ответ. Встретились, вступили в переговоры. Сейчас дело движется вперёд. Уже выделены участки земли в Загорске, Калининграде, в Москве под строительство гостиниц, концертных залов. В Перовском районе столицы вместе с культурным центром будет экологическая зона.

С Борисом Семеновичем я познакомилась позже. Он закончил недавно две книги — о Бетховене и о Чайковском. Они скоро выйдут из печати. Больше всего меня поразило его общение с роялем. Подходя к нему, он импровизировал, вслушивался в звучание: «дегустировал» фортепианную краску на ощупь. Вел себя, как профессиональный пианист. Мы с ним долго обсуждали загадку бетховенских «Писем к Бессмертной возлюбленной», и я поняла, что этим вопросом он занимался как исследователь.

БЕССПОРНО, не было бы такого успешного продвижения дела, если бы оно не встретило глубокого понимания со стороны Ирины Константиновны Архиповой. Первой, к кому пришел Иосиф Ганелин, была именно она. Мгновенно загоревшись, увидев огромную перспективу, которая открывалась в случае реального воплощения планов, она тут же включилась в работу. Ее отношение и участие на всех этапах развития задуманного предприятия говорили прежде всего о редкостном попадании в точку. Идея советско-американского рахманиновского фонда была единогласно поддержана в президиуме Всесоюзного музыкального общества, которое стало его учредителем. Трудно себе представить, кого из музыкантов оставит равнодушным эта корпорация, открывающая новые горизонты музыкальной жизни.

Кажется, настал момент, когда валюта, вырученная от международного престижа нашей отечественной культуры, будет наконец направлена на ее же укрепление.

Вера ГОРНОСТАЕВА.